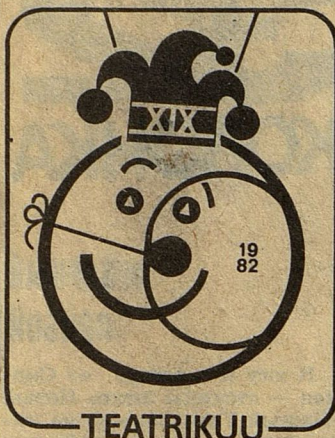

АКТЕР, ЧИТАЮЩИЙ СТИХИ...

Разговор с Херардо Контрерасом,
артистом Государственного Русского
драматического театра ЭССР,
лауреатом республиканских
конкурсов чтецов

— Поэты читают свои стихи, обнажая прежде всего клетку строк, в которую заключен их смысл. Клетку ритма, строфики, прутья рифм, замкнутое пространство стиха, его размер, магию звуковых сочленений. Артисты, читая, прежде всего разрушают клетку стиха (его грудную клетку), извлекают смысл, мысль; зыбкую цепь ассоциаций делают незыблемой, умозрительные представления — зримыми картинами, сравнения — наглядными. Хорошие чтецы почти всегда привнимаются аудиторией, хорошие поэты — далеко не всегда... Кажется ли вам это справедливым?

— Во многом да. Поэты, читая, никогда и ничего не объясняют (и могут ли объяснить?). То, что бархатилось «в тине сердца», то, что мучило и пело в подсознании, то, что сплелось с биографией, но не повторило ее, то, что озаряло «свыше» и знало десятки вариантов соединения бумаги и пера, то, что, наконец, закрепилось в единственно точном выражении — кажется поэту абсолютно очевидным, не нуждающимся в разъяснениях. С поэтом может согласиться читатель, но далеко не всегда — слушатель. Слушателю нужны разъяснения, или хотя бы версия разъяснений, ему мало итога, ему нужен путь к результату. Этот путь и показывает слушателю артист. Сократ говорил: «Ходил я к поэтам и спрашивал у них, что именно они хотели сказать. И чуть ли не все присутствующие лучше могли бы

объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами...».

— Но не слышится ли вам в этих словах и ирония в адрес толкователей? Нельзя ли воспринять их и в том смысле, что стихотворение одновременно заключает в себе множественность версий, составлять список которых — нелепость?

— Конечно, артистическое чтение может довести смысл стиха до той простоты, которая хуже воровства, превратить стихотворение в примитивизированную сценку, но ведь может и помочь заглянуть в его глубины, открыть как раз его множественность, полифонию, открыть образ не только стихотворения, но и образ поэта.

— Как вы создаете образ поэта?

— Мне нужно удариться, обжечься о какие-нибудь две-три строки, которые меня потрясут, я чувствую, что они самые важные, главные, они — ключ к пониманию всего стихотворения, потом, может быть, всего поэта. Эти строчки мне нужно нарисовать, представить, сыграть, тысячи раз произнести про себя, прислушиваясь к внутреннему камертону. Образ поэта, который рождается в сознании, это, конечно, не тот образ, который создали фотографы, художники, очевидцы, литературоведы, это не-

кий условный знак, некий символ, на который нанизывается мое понимание поэта.

— В театре сейчас готовился ваш моноспектакль по стихам Есенина «Сам не знаю, откуда взялась эта боль». Что стало для вас символом этого поэта?

— Цвет, цвет прежде всего. Есенинская синь, такая понятная и такая недоступная. Загадка Есенина — загадка его простоты. Сколько ему подражали — и никому это не удалось. Задача, конечно, странная — объяснить простоту, но ведь это порой сложнее, чем объяснить сложность... Спектакль назван по строчке из «Черного человека» — поэмы трагической в своей безнадежности. Спектакль будет околдован этой поэмой, с нее начнется и его будет завершен. Хочется, чтобы он показал путь поэта к «Черному человеку» — через юношеские стихи, «Анну Снегину», лирику разных лет...

— Вы читаете Блока, Пастернака, Лорку, Евгушенко — это ведь такие разные поэты, — как вы шли к ним?

— Пастернак весь — образ, «как образ входит в образ», метафора, сравнение. Это уже объяснение сложности, распутывание нитей, скрученных в жгут, живопись образа, звукопись образа, энергия образа. Пастернак поэт интимный, и самое сложное в ра-

боте над его стихами — перейти на звук, произнести вслух то, что уже сложилось внутри тебя, но все еще не хочет освободиться от тайны.

Лорка по-испански звучит почти как Есенин по-русски. Они очень близки и в смысле доступности слова, и в смысле трудности постижения их простоты.

В спектакле нашего театра по стихам Блока я читал поэму «Двенадцать». Она оглушила меня, я жил в хаосе звуков, пытаясь найти их гармонию — в выстрелах, частушках, барабанном бое, крике, воплях, лирике, трагизме. И, конечно, мучился над строками «в белом венчике из роз...». Сколько можно было найти толкований: Христос — мистика, религия, не буду перечислять, думаю, — вера. Вера в будущее.

— Поэтические спектакли в театре — редкость. Обычно вы выступаете в самых различных аудиториях — в школах, клубах, на заводах, в Домах культуры. Как вы ищете контакт со слушателями?

— Найти контакт с такой аудиторией, конечно, труднее, чем в театре. В театре все готовит зрителя к встрече с артистом. Гаснет свет, поднимается занавес, видны декорации, звучит музыка, есть партнеры, которые помогают и «вытянут», паузы... Когда читаешь стихи, есть

только один инструмент — голос, даже жесты мешают и отвлекают. Да и отношение к чтецу иное, чем к артисту на сцене. Нередко ведь выездные программы составляются методом обычной производной склейки: покажем такие-то сцены из спектаклей, а в промежутках выпустим кого-нибудь прочесть какие-нибудь стихи. Вот и оказываешься кем-то с какими-то стихами. А стихи — Пастернака... Я стараюсь найти в зале одно лицо — глаза, которые отозвались сразу. И ему, этому одному человеку, читаю стихи. И если у нас с ним возникает настоящая доверительность общения, атмосфера ее передается всем слушателям.

— Пастернак, Блок, Лорка, Есенин. Поэты, бесспорно, великие. Но ведь, очевидно, и самые замечательные поэты могут оказаться «невыгодными» для чтения, а выгодными могут оказаться как раз поэты посредственные, но позволяющие артисту проявить свой дар, свое мастерство, заразить аудиторию, не мучая слушателя, но давая ему привычное и понятное, доступное любому, а не избранному...

— Мне кажется, здесь нужно говорить не только о вкусе и культуре артиста, но и о его совести, честности, его смелости.

— Круг избранных вами поэтов довольно узок...

— Пожалуй, но мои личные пристрастия, как кажется, уже сложились. И сложились давно, еще в конце 50-х годов, когда я бывал на вечерах в Литературном институте в Москве, когда там преподавали Сельвинский, Луговской, Твардовский. На всю жизнь мне врезались сказанные в те годы слова К. Паустовского: «И когда над землей взойдет неомраченное солнце, то все люди вспомнят о больших и малых, но только честных писателях». Их много, честных писателей, я никак не настаиваю на сужении их круга, просто выбрал тех, кто мне наиболее близок...

Вела разговор
Е. СКУЛЬСКАЯ.

Фото Д. ПРАНЦА.